

Предисловие к публикации

Свод материалов, озаглавленный «Историческое мышление и философия истории», хранился в архиве Р. Г. Назирова в особой пачке с тетрадами¹. Настоящая публикация включает в себя две из них, помеченные «№ 4» и «№5» и снабженные развернутыми заголовками. Пачка включает в себя также тетрадные обложки, помеченные (перечисляем в порядке их положения в пачке): «Закат историзма в XX веке. Тетрадь № 7», «Тетрадь № 2. Библейский историзм и христианство. Средние века», «Историческое мышление и философия истории. XIX век. Тетрадь № 3». Однако сами тетради расточены, внутри обложек хранятся различные разрозненные выписки и наброски, частично даже не относящиеся к теме публикуемого текста. Полный текст соответствующих разделов, очевидно, утрачен.

«Историческое мышление и философия истории» совершенно ясно относится к жанру учебных пособий или исторических очерков, сделанных «для себя», о наличии которых в архиве ученого уже говорилось². Это видно по специфически лапидарной подаче материала, по особенностям его графического оформления (в основном, это разнообразные одинарные и двойные, черные и цветные подчеркивания), по характерному «лёгкому» стилю, свойственному Назирову-преподавателю, и, вероятно, облегчавшему мнемонические задачи Назирову-учёному.

Отдельные идеи, факты и интерпретации, зафиксированных в этом своде, публикатор слышал от Назирова в рамках курсов «Культура и религия» (последние лекции доходили обычно до революции 1917 года, затрагивая, естественно, и русскую философию Серебряного века) и «История эстетических учений», однако в целом этот материал не перешел в лекционную практику Ромэна Гафановича.

По всей видимости, цель создания такой философской «летописи» лежала в плоскости творческих и исследовательских нужд самого автора. Без сомнения, этот текст входит в «орбиту»³ последней книги Назирова — «Становление мифов и их историческая жизнь», — включающей в себя целостную концепцию философского осмысления истории сквозь призму мифа.

1АРГН, оп. 1, д. 17.

2См., например: Орехов Б. В. Орехов, Б. В. Работа Р. Г. Назирова «Сюжет как компромисс» в архиве ученого (предисловие к публикации) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2010. № 1—2 (43—44). С. 58—60. Также: Орехов Б. В., Шаулов С. С. О Ромэне Назирове // Вопросы литературы. 2012. № 4.

3Мы считаем удачным сравнение, запущенное в докладе «Назировский архив как система», сравнение сопутствующих главным трудам материалов с планетной системой, вращающейся вокруг центрального светила (см.: Орехов Б. В., Шаулов С. С. Архив Назирова как система // Назировский архив. 2013. № 2. С. 121).

«Историческое мышление и философия истории» — это, во-первых, «личный справочник» автора, необходимый ему для верификации своих обобщений и идей. Во-вторых, это своего рода «фильтр», отсеивающий ненужные Назирову персоналии и концепции (но учитывающий, тем не менее, их присутствие в интеллектуальном поле культуры). Наконец, здесь же Назиров апробировал формулировки некоторых идей, которые потом могли попасть уже в окончательный текст «Становления мифов».

Последний аспект особенно интересен потому, что позволяет проникнуть в интеллектуальную «кухню» Назирова-историка и философа культуры. Отнюдь не все интересные наблюдения и смелые параллели, которые он проводит в «Историческом мышлении», попали в итоге в «Становление мифов». Многие звучат интересно, неожиданно (даже и для современного читателя), отчасти спорно, но неизменно интересно.

Так, Назиров с уважением пишет о «деловой программе культуры» А. де Сен-Симона, усматривая в ней тенденцию, не угасшую (но и неосуществившуюся до конца) и по сей день. Для современной культуры раннесоциалистические утопии в значительной мере утратили актуальность (по сравнению с советским временем), однако Назиров последовательно выделяет в сен-симонизме именно те черты, которые подводят читателя к мысли о том, что современная цивилизация до некоторой степени представляет собой осуществление идей Сен-Симона.

Неожиданным и интересным выглядит соображение о том, что граф Ж. де Местр, критикуя Петра I в своей переписке с графом Разумовским, предсказал русский нигилизм XIX века.

Особого внимания заслуживает сопоставление философско-исторических взглядов Пушкина и Гоголя, которое, безусловно и неизбежно, должно быть соотнесено с концепцией борьбы и синтеза пушкинской и гоголевской традиции в русской литературе, которую Назиров реализовал в своей докторской диссертации «Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул».

Подобных примеров чрезвычайно много. Фактически каждая глава «Исторического мышления», скупая и порой поверхностно (надо называть вещи своими именами) рассказывающая о том или ином персонаже истории философии, является вместе с тем своеобразной рамкой для какой-либо собственной назировской идеи, наблюдения или сопоставления.

Отдельные главы (например, несколько «гегелевских») важны для понимания эволюции самого Назирова. В «Историческом мышлении» Гегель в целом трактуется спокойнее и отстраненнее, чем в «Становлении мифов», где он показан как один из главных ложных мифотворцев Нового времени, несущий едва ли не личную ответственность за многие исторические катастрофы XIX — XX веков.

К сожалению, датировка публикуемого текста не ясна. Однако по большей части он явно относится к этапу творческой биографии автора, предшествующему итоговой книге.

Нужно, впрочем, учитывать, что Назиров, без сомнения, периодически возвращался к своему историко-философскому своду. Это видно, например, по различию в подчеркиваниях: отдельные слова (прежде всего имена и даты) явно были подчеркнуты на стадии создания текста тем же цветом, которым написан основной текст. Более поздние обращения к тексту и размышления над ним отражаются красными подчеркиваниями. В отдельных случаях по этим признакам, вероятно, можно отследить и эволюцию назировской мысли.

Кроме того, в тетради, которые составляют бóльшую часть корпуса, периодически вложены отдельные листы с явно более поздними вставками. Иногда это обширные вклейки, включающие в себя развёрнутый тематический экскурс на несколько листов. Одна из таких вставок — глава «Изворотливость Гегеля и его легкомыслие». Она текстуально близка последней монографии и, видимо, представляет собой предварительный вариант соответствующей ее части. Однако в «Историческом мышлении» она получает дополнительное развитие; Гегелю здесь в целом уделяется большее внимание, чем в «Становлении мифов». Близость к тексту «Становления мифов» обнаруживает также помещённая рядом глава «Религиозность системы Гегеля». В рукописи она включена в общий свод в соответствующей тетради, но также дополнена вклейками и позднейшими записями.

Прямое цитатное сходство этого, дополнительного текста с соответствующим местом «Становления мифов» заставляет предположить генетическую связь между последней монографией и публикуемым сейчас текстом Назирова.

В «Историческом мышлении...» читаем: «Вскоре после смерти Гегеля было показано сущностное тождество его Системы с религией. По Марксу, это пантеистический мистицизм; другие отмечали близость Гегеля с Спинозизму Гёте, только у Гегеля это спинозизм гностический и спекулятивный, без чувственного поэтического обаяния Гёте. Гегелевская философия истории — продолжение иудео-христианской традиции. Вся гегелевская история — это теофания Мирового Духа» и т. д.

В «Становлении мифов»: «Уже вскоре после его смерти было раскрыто сущностное тождество его Системы с религией. По Марксу, это пантеистический мистицизм; другие отмечали близость Гегеля к Спинозизму Гёте, только у Гегеля это спинозизм гностический и спекулятивный, без чувственного обаяния и полноты великого Веймарца. Гегелевская философия истории — продолжение иудео-христианской традиции; вся история у Гегеля — теофания Мирового Духа...»⁴

Дальше тексты, сохраняя некоторое содержательное сходство, уже не дублируют друг друга. Однако важнейшим следствием приведённого выше наблюдения (и нескольких подобных ему) для нас является возможность уточнить датировку последней редакции «Становления мифов». В «Историческом мышлении» текст главы «Религиозность системы Гегеля» заканчивается цитатой из эссе Алексея Цветкова «Futurum imperfectum»,

⁴ Назиров Р. Г. Становление мифов и их историческая жизнь. Уфа, 2014. С. 197.

опубликованного в 1997 году⁵. В предисловии к «Становлению мифов» крайней датой, ранее которой не могла быть закончена работа над книгой, мы вместе с Б. В. Ореховым посчитали 1996 год. Видимо, эта дата должна быть сдвинута на год вперед⁶.

Все подчёркивания и изменения шрифта в тексте принадлежат автору. Мы только сочли необходимым раскрыть сокращения, обширно употребляемые Назировым, а также в отдельных случаях снабдить отрывки заголовками и заменить употребляемые автором графические знаки их словесными аналогами. Примечания публикатора даются под знаком «*».

Сергей С. Шаулов
Башкирский государственный университет

⁵ Иностранная литература. 1997. № 1.

⁶ Конечно, возможно, обратное предположение: перенос части текста из «Становления мифов» в публикуемый свод. Но ему противоречит явно подготовительный, «рабочий» характер публикуемого текста и его более архаический, более «советский» в сравнении с последней книгой характер.